

Предисловие с введением

Читатель ожидает от исследователя ответа на, казалось бы, естественный вопрос, почему предметом изысканий избрана та либо другая тема? А тот озадачен — как по сути ответить не просто и правдиво? Результатом продолжавшихся три года разысканий¹ является обоснование положения о том, что монахи, тем или иным образом связанные со Студийским монастырём в Константинополе, появились на Руси уже в X в., сыграли немаловажную роль в становлении русского христианства, и уже в XI в. студиты из греков, болгар и русинов придали просвещению славяно-руси ту духовную самоуглублённость, которая доселе казалась непонятной. Начались же они с элементарного, но вызывавшего споры вопроса датировки составления Нестором-агиографом *Жития Феодосия Печерского* (далее *ЖФП*). В ходе полемических исканий пришлось отвечать на вопросы — *откуда есть пошла* Печерская обитель, и *откуда стали* более чётко проступать её студийские корни².

Можно полагать, что своеобразность студийского миссионерства, привлёкшего новоявленных христиан из Руси в Студий и его дочерние монастыри, определила ту интеллектуальную зрелость, которая так чётко сказалась в богословско-творческом положении священноинока, и, вероятно, студита Илариона, что просвещение, акт приобщения Руси к христианской вселенной, исходило из Священного Писания³.

Идеалом возглавляемого игуменом Феодосием печерского иночества, образцом последования был великий реформатор византийского монашества Феодор Студит. Назвать его по имени не решился ни агиограф, ни летописец, оба из печерян. Эта таинственность распространилась и на личность иеромонаха и мит-

1 Их предприятием я обязан моим оппонентам. Опровергая попытку проф. Ф. Томсона аннулировать пребывание Антония Печерского на Афоне (А. Поппэ, Русь и Афон в XI в. // Сб. статей в честь Б.А. Успенского, М. 2008: 320–340), я смог заметить, что Киево-Печерская обитель была непосредственно связана со студийским движением в Византии. Мою признательность заслужил также др Ю.А. Артамонов, взявший на себя бремя ответственности по защите не нового положения о составлении *ЖФП* ок. 1108 г. (см. ниже прим. 82). Недоразумения и недосказанности поставили под вопрос предложенную А.А. Шахматовым датировку *Жития* вскоре после 1079–1080 гг. Следовало заново заняться стечением всех тех обстоятельств, на фоне которых вырастал сам монастырь с подвизавшимися в нём Феодосием и его печерскими собратьями.

2 Обзору внешних сношений Руси со Студием благодаря первоисточникам XIV и XV вв. должное внимание уделил труд архим. Августина (Д.Е. Никитина), Студийский монастырь и древняя Русь. Из истории русско-византийских церковных связей // *The Legacy of Saints Cyril and Methodios to Kiev and Moscow*, ed. A-E. N. Tachaias, Thessaloniki 1992: 365–407. Немецкую редакцию статьи см.: *Ostkirchliche Studien* 37, 1988: 107–147.

3 Об этом важном наблюдении, выведенном из Иларионова *Слова о законе и благодати*, см.: R. Price, *Tradition and Innovation in Metropolitan Ilarion* (будет опубликована к исходу 2011 г. в *Ruthenica*); подробнее об этом излагается ниже, в главе 6.

рополита Илариона, и на ряд других, относящихся к нему, событий, попытки понимания которых предприняты в публикуемых тут Приложениях.

Студийское братство не являлось сообществом наподобие чуждых восточной церкви католических монашеских орденов, но было движением и самого Студия, и захватило другие иноческие общины, положившие в основу своего служения в храме, в быту и в общественной деятельности студийский устав и заветы великого Студита. Именно поэтому Киево-Печерская киновия являлась дочерней обителью Студия, а в смысле последования завещанию Феодора Студита печеряне стали русскими студитами. Это не столько определение их национальности, сколько места и страны их общественного служения.

Открытие Руси для студитов, а вернее, наши новые познания об этом, позволяют переоценить загадочное византийско-русское столкновение 1043 г. Его причину следует видеть в продолжении Ярославом Мудрым политики Владимира Великого, направленной на поддержку прав на цареградский престол родственной Македонской династии в лице императрицы Феодоры, племянницы Василия II, шурина равноапостольного князя. Недаром в близкой по времени росписи Софии Киевской среди изображений святых и преподобных монахов, известных и анонимных, на почётном месте внимание привлекают двое студийских игуменов. И тот торжественный поход сквозь столетия православной иконы, обилующий шедеврами мировой славы, своим началом обязан иконодулам — студитам.

Все эти наблюдения и выводы становились доступными автору постепенно, в ходе изысканий, отвечающих далеко не на все вопросы, оставляя из-за скудости данных лакуны и предположения, требующие дальнейшего изучения.

Прошу читателя не упрекать меня в игнорировании сочинений любителейских, намного труднее было избежать тяготеющих к ним изложений без должного знания ремесла исследователя⁴. К сожалению, следует признаться в упущениях, связанных с затруднениями в посещении библиотек. Тут я хочу выразить признательность всем тем, кто во многом облегчил мне доступ к литературе. Поимённое перечисление всех тех благородных помощников — от академиков до юношей, нередко везущих необходимую мне книгу через весь город — можно было бы признать списком единственных спонсоров этого скромного по объёму труда.

В области терминологии я придерживался, в основном, общепризнанной. Однако, чтобы чётко отличить содержание отдельных слов, пишу *русь* со строчной — когда речь идёт о собирательном понятии в смысле этноса, и *Русь* с прописной — в значении страны, государства. Прилагательное при этом упот-

4 К сожалению, я не мог принять к сведению и учесть предложенную передатировку на 1114 г. кончины Святополка Изяславича и вступления на киевский трон Владимира Мономаха из-за порочности приёмов в привлечении данных при разборе. См.: С. Цыб, Когда Владимир Мономах стал киевским князем // *Ruthenica*, т. IX, Київ 2010: 23–36. Обоснование моей точки зрения читатель найдёт в *Ruthenica*, т. X, Київ 2011.

реблено *русьский* — согласно с правописанием XI–XIII вв., дабы не путать с *русский* — от *Россия*. Русьские тексты даю курсивом с упрощённой орфографией во всех тех случаях, когда это не имеет существенного значения, но сохраняю правописание источника с использованием кириллицы (ъ, ь, ѣ и др.), если это может влиять на понимание текста. В отношении киевских князей не пользуюсь великокняжеским титулом, появившимся лишь к исходу XII в. Титул *князь* целиком отвечал латинскому *rex*, т. е. *король, конунг*, хотя в литературе предмета часто переводится как *prince, Fürst*. Кафедральным, кафедралом может быть назван только собор с кафедрой архиерея, а таковых к концу XIII в. во всей Руси насчитывалось в общей сложности 18. Монастырский собор, т. е. главный храм монастыря, принято называть кафоликоном. Термины, выступающие единично, объясняются по мере их применения. Указатель наряду с участниками событий, письменными и архитектурными памятниками, исследователями, географическими названиями, захватывает также терминологию.

Типикон (от гр. *τύπος*, т. е. образец, модель, эталон), в настоящем исследовании часто упоминаемый также под своим староцерковнославянским названием *устав*, можно объяснить как церковное руководство по образцовому порядку и виду богослужения, правил песнопения и молитвенного бдения. Вторая, дисциплинарная, часть типикона, устав монастырского общежития (киновии), определяла распорядок и образ повседневного монашеского быта, правила заведования обителью монастырскими чинами с игуменом во главе, его права, в том числе ритуал его поставления.

Исключительный вес в ходе исследовательского труда имеют первоисточники, а за их крайней скудостью — источники второй и третьей категории. Отсюда должное внимание занимают источниковедческие разыскания, определяющие степень достоверности данных. Их наглядность должна предохранять основы, на которых зиждутся результаты, от всяческих неожиданностей, в том числе и обусловленных гипотезами, выстроенными на гипотезах. В восточноевропейской медиевистике ярким примером могут служить предположения, основанные на гипотетических летописных сводах, принимаемых за аксиомы.

Нередко этот чисто ремесленный, требующий разнообразного инструментария и знания вспомогательных дисциплин этап бывает минован в пользу преждевременного перехода к толкованиям текста. При этом его старославянская либо древнерусьская созвучная лексика воспринимается в современном значении слов. Это зловерное явление — результат вузовских изъянов, с которыми столетием ранее историко-филологические факультеты справлялись куда как лучше. Способ избежать эту грозящую всем нам неприятность не сводится лишь к постоянному и привычному использованию всякого рода словарей⁵, но

5 Данные таких отменных словарей, как по сей день незаменимого И. Срезневского, а также издаваемых словарей XI–XIV и XI–XVII вв. нередко не учитываются. На нескольких примерах я пытался показать, как предварительное ознакомление с семантикой слов, их нюансами влияет на понимание текста. Бывают и крайние случаи: *уродство* = *слабоумие, неразумность* старославянского и древнерусьского в современном русском языке получило смысл природного физического недостатка. Добавлю, что восходящее к тому же этимону польское слово *uroda* значит *красота*.

кроется также в предваряющем толкование и различные интерпретации перевода текста таким образом, чтобы показать читателю, как исследователь понимает его в начальной стадии изучения. Автор этих замечаний попытался на деле осуществить такой режим перевода, когда расхождения в понимании текста становятся очевидными. При этом для слов, перешедших из русского языка в русский, я старался (согласно словарям и собственным сопоставлениям) подбирать другие слова, более ясно выражающие то значение, которое присуще было данному слову в раннем средневековье. Неизменно помня при этом, что и сам перевод является, по сути, толкованием, но для пользы дальнейшего разбора дисциплинирующим ход исследования.

Издавна предпринимаемые попытки определить время составления *Жития Феодосия Печерского* зашли в тупик. Причины такого исследовательского кризиса разнообразны, и относить их на счёт нашего недостаточного профессионализма, или же и впрямь нередкого любительства, было бы излишним упрощением. Расхождения в результате — 1080-е годы либо где-то около 1108 г. — чрезвычайно важны для понимания становления древнейшего летописания и связанной с ним агиографии вплоть до оформления во втором десятилетии XII в. летописного свода, названного *Повестью временных лет* (далее *ПВЛ*). Придётся или смириться с мыслью, что мы не в состоянии решить этот кардинальный вопрос из-за слабосильности наших знаний и недостатка достоверных данных, или начать исследовательский пересмотр самих основ, оставляя пока что по возможности в стороне заслуги и просчёты историографии вопроса и её признанных авторитетов. Основным для дальнейшего хода исследований является вопрос времени и обстоятельств причисления Феодосия Печерского к лику святых — тема, казалось бы, настолько очевидная, что часто затрагивается вскользь. Тем временем скопившиеся недоразумения и расхождения непримиримы и требуют дотошного разбора всех тех первоисточников, которыми располагаем, т. е. *Жития Феодосия Печерского* на основании текста, переданного нам *Успенским сборником* начала XIII в. в сохранности, почти тождественной первоначальной. Таковы результаты лингвистических исследований⁶. Незначительные лакуны восполняются, в первую очередь, по части рукописей *Печерского патерика*, в состав которого *ЖФП* было введено в 20-е годы XIII в. с некоторыми явно вторичными дополнениями и изменениями⁷. Первоисточником, привлекаемым для решения

6 Здесь и далее *ЖФП* цитируется по: Успенский сборник XII–XIII вв. / Изд. под ред. С.И. Коткова. М. 1971: 71–135 (лл. 26 а – 67 б). О духовном облике Феодосия Печерского и его подвиге труженичества во Христе см.: В.Н. Топоров, Святость и святые в русской духовной культуре. Т.1, М. 1995: 601–750.

7 Следует также учитывать последующие изменения и искажения в списках XV–XVII вв. См.: Киево-Печерський патерик. Київ 1931 (репринт Киев 1991) / Издан Д. Абрамовичем с учётом его же издания Патерика, СПб. 1911. Тут также следует иметь в виду летописные печерские статьи, введённые в Патерик.

выдвинутой задачи, можно назвать все те печерские летописные статьи, которые вошли в состав *ПВЛ*, помня, однако, условность такого определения, и принимая во внимание разрыв между несохранившимся оригиналом и его поздними, испытанными разными судьбами, списками⁸. Тут следует отметить смягчение данного обстоятельства, которое принесли исследования по восстановлению первоначального текста и материалы, позволяющие иногда с полной уверенностью разобраться в первоначальном содержании летописного изложения вплоть до опытов реконструкции *ПВЛ* и её предполагаемых редакций⁹.

Ретроспективный ход штудирования темы, охвативший третью, четвёртую и пятую главы нашего исследования, требовал привлечения разнообразного инструментария изысканий, а также решения ряда побочных вопросов, косвенно влияющих на аргументацию «за» и «против». Для ясности изложения и транспарентности выводов, кроме необходимого аппарата подстрочных примечаний, в первой главе должное внимание уделено вопросам историографического характера, доступным, но не всегда учитываемым, знаниям в области истории канонизации святых периода приобщения Руси к вселенскому христианству. Во второй главе пришлось коснуться истоков Киево-Печерской обители, их связи со студийским направлением внутри византийского монашества. Эти сношения, происходившие либо непосредственно, либо через Афон, в церковной историографии воспринимались как очевидные, но из-за скупости первоисточников отсутствовало понимание их глубинного воздействия на начальные судьбы восточнославянского христианства¹⁰. То, что спустя сто лет после крещения Руси большинство (как минимум семь, а, вероятно, и все восемь) из девяти епархий Киевской митрополии возглавляли епископы из печерян — не случайность. Эта аристократическая обитель возбудила ту удивительную и доселе недостаточно понятую мощь раннего христианства на Руси, так сильно захватившего всех

8 Учитываются основные списки *ПВЛ* в изданиях *ПСРЛ* 1, Л. 1926–28, т. 2, СПб. 1908 (и их репринты), а также изд. *Радзивилловской летописи* в *ПСРЛ* 38, Л. 1989, показавшее неудовлетворительность некоторых её чтений, привлечённых при издании *Лаврентьевской летописи* в *ПСРЛ* 1. Полезным пособием оказалось издание Д. Островского: *The Povest' vremennykh lét. A. Interlinear Collation and Paradosis compiled and edited by Donald Ostrowski, I–III, Harvard Library of Early Ukrainian Literature v. X/1–3, Cambridge, Mass. 2000* (далее Д. Ostrowski, Collation).

9 Основной остаётся реконструкция текста *ПВЛ* (но не его редакций): А.А. Шахматов, *Повесть временных лет* т. 1, Пг. 1916. Полемическим дополнением (несмотря на следы скороспелости) может служить опыт реконструкции *ПВЛ*, подготовленный в типографском наборе в 1939 г. и изданный без корректурной правки Ю.А. Артамоновым: С.А. Бугославский, *Текстология Древней Руси*, т. 1: *Повесть временных лет*, М. 2006: 81–279.

10 Тут весомым вкладом стало отождествление Владимиром Дмитриевичем Сарабяновым оставаемых без внимания безымянных монахов на фресках Софии Киевской, в том числе с изображениями студийских святых (см. ниже прим. 61). Эта плодотворная искусствоведческая вежа позволяет пересмотреть ряд событий XI в. на Руси и открывает немаловажную страницу в понимании прошлого православного христианства. Минувшее столетие оказалось беспощадно жестоким к монашеству, в том числе и в плане пресечения изучения его истории. В последние два десятилетия, благодаря издателям, белые пятна заполнялись репринтами и переводами, восстанавливающими связь с достижениями прошлого. Размашистая, многотомная *Православная энциклопедия* с её капитальным архивом, несмотря на неизбежные преткновения, предоставляет новое пространство для подробных нынешних и будущих исследований.

Рюриковичей и знать, что, несмотря на династические распри между князьями, политические и социальные неурядицы, находившие резонанс в народных движениях, христианство на Руси избежало серьёзной угрозы апостазии, т. е. вероотступничества верхов, хотя бо́льшая часть полиэтнического населения Киевского государства по своему мировоззрению всё ещё тяготела к языческим «звычаям и обычаям»¹¹.

11 О значении торжества православия над иконоборчеством при восприятии христианства на Руси см. рассуждения о богословии VIII–IX вв. и рецепции византийской культуры: В.М. Живов, Разыскания в области истории и предьстории русской культуры, М. 2002: 40–69, 73–115. Следует заметить, что природное язычество восточных славян было весьма рыхлой религиозной системой, это видно из непреодолимых трудностей в его разоблачении древнерусскими книжниками как сильного противника победившего христианства. Обращение при попытках его реконструкции к данным о язычестве западных славян, которым со времён Карла Великого в борьбе за независимость пришлось совершенствовать свою религиозную систему, противопоставляемую воинственному христианству завоевателей, неоправданно.